

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Прагматический аспект запретительных конструкций с
наименованиями лица (boy, girl)**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Лингвокультурология Великобритании и США»

очной формы обучения
Лунёва Алина Альфредовна

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Трощенко Е. В.

Рецензент:
д.ф.н., проф. Клепикова Т. А.

Санкт-Петербург
2018

Введение	2
ГЛАВА 1. Теоретические основы изучения прохибитивного речевого акта со стереотипизированным суждением в Интернет-дискурсе	7
1.1. Определение гендера в контексте современной лингвистики	7
1.1.1. Возникновение гендерной лингвистики	7
1.1.2. Понятия «гендер» и «пол» в современной науке	8
1.1.3. Понятие социокультурного стереотипа и идентичности	10
1.1.3.1. Гендер как часть социальной идентичности	10
1.1.3.2. Проблемы формирования идентичности через коммуникативные стратегии	13
1.2. Запретительные конструкции в современном английском языке	17
1.2.1. Побудительность как грамматическое и функционально-семантическое явление	17
1.2.2. Средства выражения побудительности	18
1.3. Прагматический аспект изучения прохибитива	21
1.3.1. Теория речевых актов	21
1.3.2. Косвенный речевой акт запрета	25
1.3.3. Прохибитивный речевой акт как один из типов побуждения	28
1.4. Интернет-дискурс	31
1.4.1. Понятие «дискурс» в современной лингвистике. Типы и разновидности дискурса	31
1.4.2. Особенности Интернет-дискурса	34
Выводы по Главе 1	38
ГЛАВА 2. Анализ высказываний с запретительными конструкциями, продуцируемых англоязычными Интернет-пользователями	39
2.1. Отбор материала исследования	39
2.2. Высказывания с запретом, направленным на субъект (наименование лица)	40
2.3. Высказывания с запретом, направленным на окружающих	42

2.3.1. Высказывания с синтаксически выраженной направленностью запрета на окружающих_____	42
2.3.2. Высказывания с семантически выраженной направленностью запрета на окружающих_____	46
2.4. Маркеры критического отношения к гендерным стереотипам, выраженным при помощи запретительных конструкций_____	47
2.5. Реакция на запретительные конструкции, содержащие стереотипы, в непрерывном потоке Интернет-коммуникации_____	52
Выводы по Главе 2_____	59
Заключение_____	61
Список использованной литературы_____	64

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено анализу высказываний с запретительными конструкциями с модальным глаголом *should* и наименованием лиц *boy* или *girl*, продуцируемых англоязычными Интернет-пользователями. Особое внимание в работе уделяется высказываниям, содержащим в себе гендерный стереотип, направленным на его поддержание или разрушение.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что несмотря на то, что ранее запретительные конструкции были рассмотрены многими учеными, во всех трудах конструкции рассмотрены лишь частично, с применением одного метода анализа, будь то **функциональный, структурный или лексико-семантический методы**. Новизна же данного исследования заключается в том, что для комплексного анализа используем не только вышеперечисленные методы, но и **когнитивный социолингвистический анализ**, включающий в себя исследование экстралингвистических факторов.

Кроме того, **материалом** для данного исследования послужили 1118 высказываний, содержащих запретительные конструкции. Они были собраны на разнообразных британских и американских веб-сайтах, таких как <https://www.mumsnet.com/>, <http://www.madeformums.com/>, <http://www.debate.org/> и посредством сплошной выборки с Google Search. Это предполагает работу с текстами, порождаемыми в ходе межличностного компьютерного общения, позволяет проследить за тем, как запреты функционируют в непрерывном потоке коммуникации, какова реакция на запретительные конструкции (в особенности, содержащие в себе ту или иную степень стереотипизации), как употребление этих конструкций влияет на сознание окружающего общества. Именно это и интересует нас в нашей работе.

Таким образом, **целью** работы является исследование и описание прагматического потенциала запретительных конструкций и их использования в непрерывном потоке коммуникации.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решить следующие **задачи**:

- исследовать запретительные конструкции и их использование в современном англоязычном Интернет-дискурсе;
- исследовать функции прохибитива как речевого акта;
- рассмотреть, как наименования лица взаимодействуют с ролевыми гендерными стереотипами;
- исследовать типы направленности запрета в высказываниях;
- проанализировать маркеры критического отношения к гендерным стереотипам, выраженным запретительными конструкциями.

Объектом данного исследования являются запретительные конструкции с модальным глаголом *should* и с указанием лица *boy/girl*, а непосредственным **предметом** исследования являются высказывания, содержащие запретительные конструкции с модальным глаголом *should*, их использование и функционирование, в том числе и в непрерывном потоке коммуникации.

Теоретической основой исследования послужили работы русских и зарубежных ученых по социальной и гендерной идентичности (Х. Абельс, Е. Н. Каменская, А. В. Кирилина, И. А. Кириллова, И. С. Клецина, И. С. Кон, В. П. Конецкая, В. П. Нерознак, О. В. Рябов, Н. Ю. Флотская, И. И. Халеева и др.), исследования в области прагматики и речевых актов (А. Вежбицка, Е. Ф. Гонгало, И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер, Р. Конрад, Дж. Р. Серль, И. П. Сусов, Н. И. Формановская, И. Б. Шатуновский и др.), работы по дискурсу в целом и по Интернет-дискурсу в частности (Н. Д. Арутюнова, Е. П. Буторина, Д. Р.

Валиахметова, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, М. Л. Макаров, Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен, Е. И. Шейгал и др.), а также исследования запретительных конструкций английского языка и побудительности как таковой (Е. В. Астапенко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский, В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, Б. А. Ильиш, Е. А. Шмелева и др.).

Цель и задачи выпускной квалификационной работы определили ее **композиционное построение**. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, теоретической Главы I, исследовательской Главы II, посвященной анализу полученного материала, заключения, списка использованной литературы.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в развитие изучения запрета в английском языке, его направленности и функционирования, а также его взаимодействия с гендерными стереотипами.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов для исследования широкого спектра проблем в области гендерной лингвистики, социологии, психологии, лингвокультурологии, коммуникативной прагматики. Использование полученных данных возможно в теоретических курсах по общей лингвистике, лексикологии, социологии, когнитивной лингвистике и грамматике английского языка.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Отсутствие в конструкции пассивного залога не всегда значит, что субъект предложения, выраженный наименованием лица (boy/girl) является адресатом запрета. В некоторых случаях запрет налагается на окружающих, не упоминаемых в высказывании. Используя подобные конструкции, а также конструкции с пассивным залогом, авторы высказываний делают попытку опосредованно через детей

наложить запрет на родителей или людей, занимающихся воспитанием.

2. Несмотря на тот факт, что в современном мире усиленно пропагандируется равенство полов и все шире распространяется тенденция к ослаблению гендерных стереотипов, основная часть Интернет-пользователей в своих рассуждениях все равно опирается на существующие стереотипы, иногда этого даже не осознавая.
3. Маркеры критического отношения, используемые с гендерно-стереотипизированными запретительными конструкциями, можно разделить на маркеры позитивного (поддержка стереотипа), негативного (попытка разрушения стереотипа) и нейтрального отношения. Большинство примеров в поддержку стереотипов не несут в себе никакой аргументации, говорящие ограничиваются стереотипизированной запретительной конструкцией и языковым маркером позитивного отношения. Используя маркеры негативного отношения, пользователи, наоборот, стараются разрушить стереотипы, приводя в качестве аргументов в поддержку своей точки зрения разнообразные научно доказанные факты или рассказывая о последствиях, к которым может привести тот или иной стереотип.
4. Треды, инициированные сообщением с гендерно-стереотипизированным высказыванием, вызывают бурный интерес со стороны Интернет-сообщества. В подобных дискуссиях можно наблюдать большую вариативность методов поддержки и солидаризации, а также явление развития дискуссии в дискуссии.

ГЛАВА 1. Теоретические основы изучения прохибитивного речевого акта со стереотипизированным суждением в Интернет-дискурсе

1.1. Определение гендера в контексте современной лингвистики

1.1.1. Возникновение гендерной лингвистики

В последние десятилетия XX века в связи со сменой научной парадигмы в гуманитарных науках из-за влияния постмодернистской философии установились и начали интенсивно развиваться гендерные исследования в лингвистике. Благодаря новому пониманию процессов категоризации, отказу от признания объективной истины, интересу к субъективному, к частной жизни человека, развитию новых теорий личности, и, в частности, теории социального конструктивизма были пересмотрены научные принципы изучения категорий этничность, возраст и пол, интерпретировавшиеся ранее как биологически детерминированные. Новому подходу потребовалось применение новой терминологии, более точно соответствующей методологическим установкам исследователей, что и стало причиной введения в научное описание термина гендер, который призван подчеркнуть общественно конструируемый характер пола, его конвенциональность, институциональность и ритуализованность. В свою очередь, данный подход начал стимулировать изучение лингвистических механизмов проявления гендера в языке и коммуникации. Необходимо отметить, что феминистская критика языка, которую ряд исследователей относит к одной из составляющих постмодернистской философии, также подталкивала ученых в данном направлении [Smith 1997: 331]. Признанный приоритет языка привел к так называемому «лингвистическому повороту» в гуманитарных науках – истории, социологии, антропологии и др. При таком подходе язык рассматривается как средство доступа к знанию о нелингвистических феноменах. Параллельно с демократизацией западного общества во второй половине XX века начали появляться социально-философские теории. Студенческая революция 1968 года, активизация феминизма способствовали ускоренному распространению целого ряда идей. К данным идеям относится

и осознание социокультурной обусловленности пола. «Новое женское движение» в США, вступившее в борьбу с патриархатом, стимулировало научное осмысление гендерной концепции, а также, в целях политической борьбы, способствовало ее распространению. С конца 60-х годов XX века в языкознании (главным образом в США и Германии) возникло направление, названное феминистской критикой языка, или феминистской лингвистикой [Кирилина 1999: 90-95]. Данное направление существует сегодня, но в более взвешенном состоянии. Преодолев типичную для начального этапа «алармистскую» стадии, когда высказывались радикальные утверждения, многие из которых впоследствии не подтвердились или подтвердились частично. В современном понимании гендер считается институционализированным и ритуализованным социокультурным конструктом - одним из параметров социальной идентичности индивида. Общественные институты, такие как: армия, школа, церковь и т. д., поддерживают различия, придавая им статус нормы и интерпретируя их как природно обусловленные. Ритуалы, принятые в обществе, также создают гендерную асимметрию - в одежде, повседневном обиходе и символике. Как продукт культуры гендер отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы - упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола [Labov 1971: 187-221].

Из данной формулировки вытекает вопрос о том, в чем же различие понятий «пол» и «гендер».

1.1.2. Понятия «гендер» и «пол» в современной науке

В современной науке пол трактуется не как биологический фактор, а как многокомпонентный социокультурный феномен, что обусловлено всеобщей тенденцией к антропоцентризму и интеграции различных отраслей гуманитарного знания.

Термин гендер был введен в аппарат лингвистики для акцентуации социальных составляющих концепта пола, которые, фиксируясь в культурных традициях и стереотипах, оказывают непосредственное влияние на самоидентификацию и поведение личности в различных сферах деятельности. Языковой аспект гендера, как отмечает В.П. Нерознак, предполагает исследование особенностей текста, порождаемого «гендерной языковой личностью» [Нерознак 1999: 70].

Современной отечественной лингвистикой уже накоплен определенный опыт подобных исследований (В.П. Нерознак, А.В. Флоря, Л.А. Фатыхова и др.). В частности, В.П. Нерознак подчеркивает целесообразность трактовки параметров художественного текста в «гендерном измерении». При этом «важнейшими проблемами для гендерного изучения языковой личности можно считать реконструкцию гендерного «Я» в тексте», а также «построение речевого портрета гендерной языковой личности» [Нерознак 1999: 71].

Также интересно обратиться к концепции И.И. Халеевой, рассматривающей категорию гендера в лингвофилософском аспекте: «Подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами, позволяет определить гендер в качестве своего рода междисциплинарной интриги, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриге как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность» [Халеева 1999: 7].

Понятие гендера И.И. Халеева соотносит с понятием дискурса. В формулировке Ю.С. Степанова: «Дискурс – это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир...». «В известном смысле, – пишет И.И. Халеева, – междисциплинарную парадигму гендера можно обозначить своеобразным типом интригообразования, – или же

– несколько в иной плоскости – сравнительной типологией гендерных дискурсов, имманентных природе традиционной культуры» [Халеева 1999: 7].

Итак, в этом ракурсе гендер выступает как тип интригообразования, или тип дискурса, как «ментальное пространство, опосредованное онтогенетически и гносеологически и обусловленное социокультурной данностью конкретного лингвокультурного сообщества» [Халеева 1999: 11].

Следует также определить существенную разницу в употреблении понятий пол и гендер. Так, О.В. Рябов отметил: «Если пол осмысляется в категориях “мужчина” и “женщина”, то гендер в терминах “мужественность” (мужское начало) и “женственность” (женское начало)» [Рябов 2000: 3].

1.1.3. Понятие социокультурного стереотипа и идентичности

1.1.3.1. Гендер как социальная идентичность

Современные тенденции развития общества обуславливают переход социальных отношений к реальному равноправию, которое не зависит от биологических или гендерных особенностей индивида.

В отечественных психолого-социологических работах первоначально исследовалась «половая идентичность», которая определялась как внутренняя динамичная структура, интегрирующая отдельные стороны личности, связанные с осознанием и переживанием себя как представителя определенного пола [Флотская 2008: 118]. Введение термина «гендерная идентичность», по мнению С.В. Бадмаевой, В.В. Дудукалова, М.А. Радзивиловой и др., было обусловлено попыткой ученых отделить пол биологический от пола социального.

Понимание и смысл понятия «гендерная идентичность» рассматривали Е.Н. Каменская, И.С. Кон, И.А. Кириллова, И.С. Клецина, С.Д. Матюшкова, Е.И. Рогов, М.А. Толстых, Н.Ю. Флотская и др. В психологических работах [Клецина 2004, Кон 2001, Матюшкова 2007, Рогов 1995 и др.] гендерная идентичность определяется как базовая структура социальной идентичности, которая формируется в результате интериоризации мужских и женских черт в

процессе взаимодействия Я и других в ходе социализации. В педагогических исследованиях [Каменская 2007, Кириллова 2005, Толстых 2007 и др.] она рассматривается как личностный тип идентичности и стержневой компонент целостного развития личности, который детерминирован физическими процессами роста и развития и культурным наследием общества. Большинство определений понятия тяготеют к пониманию гендерной идентичности как базовой структуры личности, интегрирующей различные гендерные роли и воздействующей на целостное представление о себе как человеке того или другого пола в прошлом, настоящем и будущем.

Ряд авторов: И.С. Клецина, И.А. Кириллова, Н.Ю. Флотская и др., сходятся во мнении о наличии в структуре гендерной идентичности трех компонентов: когнитивного, эмоционально оценочного, поведенческого. В когнитивный компонент входят знания и убеждения человека о самом себе как о представителе некой определенной группы и о существовании своей и чужой групп; эмоционально-оценочный компонент содержит систему индивидуальных эмоциональных значений, через призму которой происходит восприятие окружающего мира; поведенческий компонент представлен потенциальной поведенческой реакцией индивида, конкретными действиями, которые вызваны образом Я и самооценкой личности.

Анализ научных трудов разных направлений в зарубежной и отечественной психологии позволил нам выделить основные подходы, раскрывающие механизмы формирования гендерной идентичности.

Во-первых, биогенетический подход и психоанализ (З. Фрейд, Ст. Холл и др.), которые выделяют генетическую и биологическую первооснову гендерной идентичности и рассматривают процесс ее приобретения через идентификацию с родителем, подчеркивая особую роль подражания.

Во-вторых, теория социального научения (А. Бандура, М. Мид и др.), которая играет решающую роль в формировании гендерной идентичности механизмам подкрепления и научения. Из-за того, что взрослые поощряют мальчиков за маскулинное и осуждают за фемининное поведение, а с

девочками поступают наоборот, ребенок сначала учится различать определенные паттерны поведения, присущие своему полу, затем – выполнять соответствующие правила и, наконец, интегрирует этот опыт в своем образе Я.

Согласно когнитивной теории (Л. Колберг, Дж. Тернер, К. Летурно и др.), формирование гендерной идентичности зависит от общего интеллектуального развития индивида. Данный процесс связан с проявлением самокатегоризации, он не является пассивным и не возникает под влиянием социально подкрепляемых упражнений. Вначале, ребенок усваивает представление о том, что значит «мужское» и «женское» поведение, затем идентифицирует себя в качестве мальчика или девочки, и наконец пытается согласовать свое поведение с уже сложившимися у него представлениями о собственной гендерной идентичности.

С точки зрения представителей «новой психологии пола» (К. Джеклин, Э. Маккоби и др.), основная роль в формировании гендерной идентичности принадлежит социальным ожиданиям общества, отражающим гендерные стереотипы, что находит отражение в процессе воспитания.

В отечественной психологии и педагогике до последнего времени единственным подходом к формированию гендерной идентичности являлась теория полоролевой социализации (В.С. Агеев, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, Я.Л. Коломинский, И.С. Кон, М.Х. Мелтсас, В.С. Мухина, Т.А. Репина и др.). Согласно обозначенной теории, в основе формирования гендерной идентичности лежит биологический пол, который и задает программу воспитания, зависящую от возраста и пола детей. Первоначально идентификация осуществляется с представителем своего пола, занимающего ведущую позицию взрослого. Со временем большое значение приобретают сверстники. В результате выбор гендерной идентичности осуществляется в пользу анатомически predetermined пола.

На основе проведенного анализа теорий создания гендерной идентичности можно сделать вывод о том, что в каждом из рассмотренных

подходов акцентируются различные аспекты ее формирования. Изученные психологические механизмы не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга. Однако нельзя не обратить внимание на некоторую несогласованность представлений различных авторов о гендерной идентичности в терминологическом и содержательном плане. Современные исследования характеризуются разнообразием трактований понятия и указывают на сложный характер этого личностного образования.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что исследуемое понятие является предметом многочисленных исследований, проводимых с позиций различных подходов. В каждом из них рассматриваются различные аспекты и механизмы формирования гендерной идентичности, которая относится исследователями к числу базовых характеристик человека, определяющих гармоничное становление личности. От сформировавшейся гендерной идентичности в значительной степени зависят сохранение психического здоровья и полноценное нравственное развитие личности, способной совершать моральный самоанализ, не противоречащий целям и жизни каждого индивида и всего общества.

1.1.3.2. Проблемы формирования идентичности через коммуникативные стратегии

В коммуникативной науке стало общепризнанным представление о том, что общение «определяется и управляется неречевыми целями коммуникантов» [Баранов, Паршин 1986, Блакар 1987 и др]. Это дает основания полагать, что любая коммуникация «стратегична», так как мотивом является желание адресанта достичь посредством своих коммуникативных действий определенных социальных результатов. Стратегичность общения также связана с тем, что оно находится под давлением двух стабильно действующих факторов – эффективности и социальной приемлемости. Кроме того, стратегический характер коммуникации обусловлен тем, что в процессе общения принятый план постоянно меняется в зависимости от того, насколько

он оказывается эффективным. В зависимости от степени эффективности может происходить его корректировка.

Если целью ставится достижение определенных долговременных результатов, то стратегия речевого поведения охватывает сферу построения процесса общения. В самом общем смысле стратегия включает в себя планирование процесса речевой деятельности в зависимости от конкретных условий общения и ситуации, а также от индивидуальных качеств коммуникантов. Таким образом, стратегия направлена на реализацию принятого плана. Иными словами, «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2006: 183].

Понятие стратегии используется не только в лингвистической науке. В военном деле стратегия определяется как искусство ведения крупных операций и войны в целом, как наука о ведении войны. В переносном значении стратегия – это «искусство руководства общественной, политической борьбой» [Reber 1995: 595]. Как мы видим, основой лексического значения слова стратегия является идея планирования действий, связанных с социальной конфронтацией, столкновением, противоборством. В психологической интерпретации этого понятия сохраняется идея прогнозирования поведения коммуникантов. Поведенческие стратегии можно назвать наиболее близкими к речевым стратегиям.

Речевые стратегии получили статус предмета лингвистического анализа сравнительно недавно – в середине 80-х годов прошлого века. Это было связано с увеличением значимости научного когнитивно-прагматического подхода к анализу языка.

У всех видов стратегий можно назвать общую черту. Она заключается в том, что они представляют своего рода гипотезы относительно предстоящей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности. При этом следует учитывать, что все стратегические процессы, в какой бы сфере общественной жизни они ни осуществлялись, во многом противоположны

процессам, управляемым правилами, или алгоритмическим. Последние гарантируют успешное достижение цели, если правила верны и применяются корректно [Иссерс 2009: 182]. В стратегиях такого гарантированного успеха ожидать невозможно, так как не существует единого для всех носителей языка представления о том или ином взаимодействии.

Каждая коммуникативная ситуация обладает своей собственной стратегией. Обычно под стратегией понимается оценивание ситуации в целом, определение возможных направления дальнейшего развития и организация воздействия в интересах достижения нужного адресанту результата.

Е.В. Клюев дает следующее определение: «Под коммуникативной стратегией будет пониматься совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев 1999: 70]. Схожее по смыслу определение находим у Д.П. Гавры: «Коммуникативная стратегия – это некая обобщенная согласованная схема коммуникативного поведения, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения цели субъекта коммуникации» [Гавра 2011: 201].

В.И. Максимов и Н.В. Казаринова описывают стратегию, как процесс построения коммуникации, направленный на достижение долговременных и стабильных результатов [Максимов 2017: 413]. Стратегия включает в себя планирование взаимодействия в зависимости от конкретной ситуации и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана [Казаринова 2001: 330].

Применительно к речевой коммуникации стратегия определяется следующим образом: «Речевые стратегии выявляются на основе анализа хода диалогового взаимодействия на протяжении всего разговора. Стратегию определяет макроинтеграция (намерение, цель) одного (или всех) участника диалога, обусловленная социально-психологическими особенностями конкретного общения» [Граудина 1999: 72]. Речевые стратегии объединяют в

диалоге модели речевого поведения, игру (отступление от стереотипного поведения) и ритуальное речевое поведение (традиционные реплики, поговорки, «дежурные» фразы – о погоде, здоровье и пр.).

Таким образом, коммуникативная стратегия предполагает:

- анализ коммуникативной ситуации (до начала коммуникативного акта);
- определение текущей модели поведения;
- организацию в соответствии с этим взаимодействия (определение «ходов» коммуникации – как поведенческих, так и речевых);
- достижение цели коммуникации (ради этого и выстраивается стратегия).

Развитие современных технологий коммуникации и реализуемых на их основе коммуникативных форм, приводит к интенсификации коммуникации [Обухов 2009: 148], включению индивида во множество дискурсивных порядков. Каждый порядок оказывает влияние на конструирование идентичности индивида. Идентичность, как конкретный символический конструкт, всегда принадлежит конкретному дискурсу и той группе, которая его придерживается [Обухов 2009: 75]. Идентичностью индивида является в таком случае набор этих символических конструктов, конституирующих его как целое. Проблемной областью при подобном подходе является «осознанность» встраивания в образующуюся символическую структуру и зависимость индивида от нее.

Сознание всегда формируется в символической структуре, которая существует «вне» («до» и «после») конкретно взятого индивида [Абельс 2000: 20]. Оно связано с усвоением правил по расстановки связей между знаками в дискурсивном порядке, т.е. конкретным запасом социального знания. В этом смысле «сознание» определено позицией индивида в пространстве социального, но оно носит символический характер, как и те порядки, которые его определяют. Множественность современной коммуникации неизбежно приводит к возникновению противоречий между дискурсивными порядками, т.е. к «узнаванию» индивидом существующих различий в способах связывания одних и тех же знаков [Филлипс, Йоргенсен 2004: 49].

Одновременно с этим, возможность существования слабых связей, способствует уменьшению роли конкретного дискурса в формировании индивида, т.е. происходит уменьшение значимости позиции власти в дискурсе. Два эти факта оказывают благоприятное влияние на осознание «знаковой», символической природы идентичности, т.е. своей позиции в пространстве социального или дискурсивного.

Осознанная позиция формируется через определение дистанции с окружающими дискурсивными порядками, как обнаружение своего «несовпадения» с ними и установление собственного способа связывания идентификационных признаков. Деидеологизация и доступность коммуникационных средств приводит к возможности автономизации позиции индивида, обозначению или проявлению нового места в сетевой структуре коммуникации. Конституирование нового принципа связывания знаков означает предъявление нового дискурсивного порядка, находящего свое выражение в индивиде. Тем самым обнаруживается производительная способность сетевой структуры и множественность предъявлений социального. Поскольку идентичность индивида носит осознанный знаковый характер, открывается возможность для ее переопределения с ходом времени при изменении социального окружения. Таким образом, можно сделать вывод, что даже гендерная идентичность также может быть претерпевать изменения под влиянием множественности современной коммуникации.

1.2. Побудительные конструкции в современном английском языке

1.2.1. Побудительность как грамматическое и функционально-семантическое явление

Многие лингвисты рассматривали побудительность как одну из грамматических и функционально-семантических категорий языка, а также исследовали ее взаимодействие с другими языковыми и речевыми категориями [Виноградов 1975, Гулыга 1969, Мицкевич 1974, и др.].

Главным маркером побудительности долгое время признавалось грамматическое выражение этой категории в форме побудительного предложения. Представление о побудительном предложении как особом типе синтаксических конструкций со специфическими структурными и семантическими признаками сложилось в русской синтаксической науке во многом благодаря работам А.А. Шахматова и А.М. Пешковского.

В конце 70-х – начале 80-х годов лингвисты обратили внимание на средства выражения побудительности, которые ранее не подвергались комплексному исследованию: был осуществлен многоаспектный анализ императивных предложений со значением совместного действия [Сергиевская 1995]; рассмотрены такие актуализационные признаки, как модальность, персональность, темпоральность и аспектуальность [Козырев 2015]; предложена универсальная парадигма императива, построенная в соответствии с учением о функционально-семантических полях в лингвистике [Храковский 1990].

В.С. Храковский в своих исследованиях различает побудительные предложения двух классов: утвердительные императивные (или просто побудительные) и отрицательно-императивные (запретительные, прохибитивные), представляющие собой семантико-синтаксические дериваты утвердительных побудительных предложений. Деривация осуществляется с помощью оператора отрицания, а именно частицы «не» (*not* в английском языке). Таким образом, Храковский рассматривает прохибитивные высказывания как один из видов повелительных предложений [Храковский 1990: 210—212].

1.2.2. Средства выражения побудительности

Основным средством выражения побудительности является модальность. В отечественной лингвистике трактовка модальности как одной из основных категорий предложения, обеспечивающей, наряду с категориями времени и лица, отнесенность предложения к действительности, восходит к

работам В.В. Виноградова, определявшего модальность как семантическую категорию, имеющую в языках разных систем «смешанный лексико-грамматический характер» [Виноградов 1975: 52] и выражающую отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности с точки зрения говорящего [Виноградов 1975: 80]. Модальность при этом понимается как устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания (т. е. пропозиции) к действительности в плане реальности/ирреальности, среди способов выражения которого основным считается наклонение глагола, а также такие разнообразные единицы, как модальные глаголы, модальные слова, частицы, союзы, эмфатические синтаксические конструкции и др., которые выражают различные оттенки субъективного отношения говорящего к устанавливаемой им связи содержания высказывания с действительностью [Виноградов 1975: 52, Ильиш 1971: 190]. При описании категории модальности важно учитывать, что ее функционирование, с одной стороны, тесно связано с синтаксисом предложения, а с другой, не ограничивается им. Соответственно, классификации модальных отношений имеют смешанный семантико-синтаксический характер.

Глобальным является разделение модальности на два вида, к которым применима дальнейшая субкатегоризация на модальность объективную и субъективную. Объективная модальность трактуется как отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности и является обязательным признаком любого высказывания [Русская грамматика 1982: 214, Ляпон 1988: 303]. Субъективная модальность включает значения, выражающие отношение говорящего к сообщаемому. В отличие от объективной, она рассматривается как факультативный признак высказывания. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включающее не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной реакции говорящего [Ляпон 1988: 303].

В целях систематизации многообразия модальных отношений ряд исследователей оперируют понятием инвариантного содержания модальности, в соотнесении с которым рассматриваются различные виды модальных модификаций. По мнению Г.А. Золотовой, можно выделить 3 типа модальных отношений, различных по своему семантико-синтаксическому существу:

- 1) отношение содержания высказывания (точнее, предикативного признака) к действительности с точки зрения говорящего;
- 2) отношение говорящего к содержанию высказывания;
- 3) отношение между субъектом-носителем признака и предикативным признаком [Золотова 1973: 142].

Л. А. Бирюлин и Е. Е. Корди, признавая вслед за В. В. Виноградовым в качестве общего признака значений, относимых к модальности, «точку зрения говорящего», перечисляют 6 основных типов модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе:

1. Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/ирреальности (гипотетичности и т. п.), выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола, а также некоторых союзов, частиц и других элементов структуры предложения.
2. Оценка, представленная модальными глаголами и другими модальными словами, обозначающей в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности.
3. Оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого, которая может передаваться модальными наречиями, вводными словами, а также сложноподчиненными предложениями с придаточным изъяснительным, где главное предложение содержит модальную оценку того, о чем говорится в придаточном.
4. Целевая установка говорящего, или коммуникативная функция высказывания. По этому признаку все предложения подразделяются на повествовательные, выражающие сообщение, вопросительные – вопрос,

побудительные – побуждение и оптативные – желание. Средства выражения этих значений различны: морфологические (наклонения глагола), синтаксические (конструкция предложения), просодические (интонация).

5. Значения утверждения/отрицания, отражающие наличие/отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями, о которых идет речь в предложении. Первый член оппозиции (утверждение) не маркируется, второй – маркируется грамматическими, словообразовательными и лексическими средствами.

6. Эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания, выражаемая лексически, синтаксически и просодически (восклицательными предложениями), а также с помощью междометий. Кроме того, это значение может быть представлено либо сложноподчиненными предложениями, содержащими в их главной части модусный предикат, либо конструкциями с вводными словами и оборотами [Бирюлин 1990: 167].

1.3. Прагматический аспект изучения прохибитива

1.3.1. Теория речевых актов

Объектом нашего исследования являются косвенные речевые акты. Они представляют собой феномен прагматики, поэтому мы переходим к рассмотрению этого понятия.

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, слово «прагматика» происходит от греческого слова *πράγμα*, что означает «дело», «действие». Этим термином обозначается «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [ЛЭС 1990].

Понятие «прагматика» ввёл в конце тридцатых годов XX века американский философ Чарльз Моррис, который разделил семиотику (науку о знаках) на три раздела: семантику, синтаксис и прагматику. Областью применения прагматики является отношение знака к субъекту, то есть к их интерпретаторам [Сусов 2006: 4].

Для нашего исследования из учения о знаке Ч. Морриса, а позднее Ч. Пирса ценным является понятие «интерпретанта». Согласно знаковой теории знака нет вне семиотического процесса, вне деятельности интерпретатора. «Не существует знака без воздействия на интерпретатора». Это воздействие Ч. Пирс и называет интерпретантой». Ч. Пирс так определил следующие функции интерпретантов: они могут вызывать определённые эмоции (эмоциональные, или непосредственные интерпретанты); обуславливать какое-либо действие (энергетические-динамические интерпретанты); влиять на ход мыслей или поведение (логические, нормальные, или финальные интерпретанты).

Дальнейшее развитие прагматики связано с именами Дж. Остина, Дж. Сёрля, Ф. Стросона, П. Грайса, А. Вежбицкой. Английский философ, логик, лингвист Джон Остин известен как один из авторов теории речевых актов. Языковое высказывание как действие стало рассматриваться и анализироваться в теории речевых актов. Учёный представил речевой акт как трёхчленное образование, выделив в нём три уровня, которые тоже назвал актами: «локутивный акт, иллокутивный акт и перлокутивный акт» [Сусов 2006: 141].

Коротко остановимся на рассмотрении этих трёх актов, так как на современном этапе они представляют собой ядро учения о прагматике. Локутивный акт – это само произведённое автором и произнесённое высказывание. Оно обладает значением, так как представляет собой структуру, реализованную на фонетическом уровне (произнесение звуков), на лексико-грамматическом уровне (произнесение определенных слов, принадлежащих конкретному словарю и организованных в соответствии с правилами конкретной грамматики), при этом слова обладают определённым значением и референцией.

Локутивный акт сопровождается иллокутивным актом. Иллокутивный акт обеспечивает указание не только на значение выражаемой пропозиции, но и на коммуникативную цель высказывания. Учёные говорят об иллокутивной

силе высказывания. Этот акт конвенционален и является основным объектом теории речевых актов.

Перлокутивный акт – это воздействие, которое речевой акт оказал на слушающего/ читающего. Чаще всего говорят о перлокутивном эффекте, которого достиг или не достиг автор высказывания. Данный акт не является конвенциональным [Сусов 2006: 142]. Все три акта совершаются одновременно, а не один за другим. Таким образом, в центре внимания прагматических исследований оказывается не просто само высказывание, а действие, которое совершает говорящий, произведя это высказывание, цели, которых он стремится достичь.

В России идеи прагматики развиваются в работах Н.И. Формановской, И.П. Сусова, Е.В. Падучевой, И.М. Кобозевой, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна и других учёных. В настоящее время прагматика определяется довольно широко, однако центральным звеном остаётся «закреплённое в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [Апресян 1988: 59]. И хотя лингвистическая прагматика «не имеет чётких контуров» [Л.Э.С. 1990], она изучает вопросы, связанные с намерениями говорящего, его отношением к адресату, взаимодействием автора и адресата в коммуникации, с другими параметрами ситуации общения.

Лингвистическая прагматика даёт основание изучать язык не «сам в себе и для себя», а «как средство, используемое человеком в его деятельности» [Кобозева 2001: 9]. Благодаря прагматике стало очевидным, что мы используем язык, чтобы решить какие-то определённые задачи: «сообщить о важном событии, побудить адресата к определённым действиям или их прекращению, выразить свои чувства или дать оценку чьим-либо поступкам» [Кобозева 2001: 10]. Высказывание становится не просто речевым продуктом, а средством достижения определённой авторской цели. Таким образом, теория РА показала, что модель общения включает в себя не только адресата,

адресанта и само сообщение, но также цель и результат речевого акта. Для нашей работы важен принцип анализа явлений языка учитывая цели автора высказываний.

Материал для нашего исследования был собран в просторах сети Интернет. Для анализа использовались комментарии пользователей разнообразных форумов, которые, на наш взгляд, наиболее эффективно исследовать с позиций прагматики, так как только прагматический анализ, то есть анализ с учётом целей автора высказывания и направленности на достижение перлокутивного, воздействующего, эффекта даёт возможность раскрыть воздействующий потенциал таких текстов.

Н.И. Формановская отмечает, что возможности изучения фактов языка в рамках прагматики хорошо соотносятся с требованиями современной лингвистики, а именно с реализацией принципа антропоцентризма, учётом человеческого фактора в язык. [Формановская 1998: 33].

Запрет относят к директивным речевым актам (ДРА) большинство исследователей (Е. И. Беляева, В. И. Карасик, Е. В. Астапенко, Е. А. Шмелева). Запрет становится в последнее десятилетие объектом комплексного изучения и получает системное и всестороннее осмысление в рамках различных подходов – функционально-грамматического, модального, речеактового, прагматического и др. Его структурно-когнитивная и семантическая организация, средства выражения изучаются в англистике, германистике, романистике, русистике и в ряде работ в рамках типологического подхода. Изучение запрета и средств его выражения осуществляется по-разному применительно к описываемым языкам, и постепенно складываются общетеоретические представления, которые становятся общей методологической базой для анализа этого феномена в целом. Коммуникативный акт запрета может быть охарактеризован как «попытка заставить адресата высказывания не совершать какое-то действие (прекратить действие)» [Ломакина 2001: 85]. По определению В. И. Карасика, «запрет представляет собой выражение воли говорящего, направленное на

прекращение существующего, либо предотвращение возможного положения дел» [Карасик 2004: 71]. Подобные определения дают многие исследователи. Вместе с тем коммуникативно-прагматический статус запрета однозначно не определен. Одни исследователи выделяют запрет как отдельный РА класса декларативов, другие не выделяют его в своих классификациях вообще.

Мы склоняемся к тому, чтобы относить запрет к ДРА. Основанием для этой точки зрения служит то, что основной целью собранных нами примеров высказываний, содержащих запретительные конструкции, является воздействие на коммуниканта.

1.3.2. Косвенный речевой акт запрета

Цель использования косвенных РА может быть различной. Так один из авторов Теории Речевых Актв Дж. Серль выделял в качестве одной из основных причин использования косвенных речевых актов – желание быть вежливым [Серль 1986: 197]. Таким образом, один речевой акт образуется за счет другого.

Одно из понятий сущности косвенных речевых актов - понятие «конвенциональности». Конвенция – это познавательная операция, предполагающая введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов познания [Микешина 2005: 112].

Согласно одному из подходов, косвенные РА – неразложимые идиомы, однозначно воспринимаемые участниками общения [Макаров 2003: 168], то есть конвенциональные РА. И.М. Кобозева пишет: «В узком смысле косвенными речевыми актами называют только высказывания, в которых представлен некоторый стандартный способ косвенного выражения цели, то есть языковое выражение, которое, сохраняя свое основное, прямое назначение показателя иллокутивной силы *x*, регулярно используется как показатель иллокутивной силы *y*» [Кобозева 1986: 7-21].

Также существует другое, более обширное, понятие косвенных речевых актов.

Исследователь И.М. Кобозева считает, что любой речевой акт, цель которого не выражена прямо, может быть косвенной. Таким образом все способы непрямого информирования можно отнести к косвенным речевым актам. Например: намёки, аллюзии, инсинуации [Кобозева, Лауфер 1988: 65]. Е.Ю. Кильмухаметова называет такие речевые продукты высказываниями «со скрытым прагматическим потенциалом» [Кильмухаметова 2006: 78].

В.З. Демьянков также замечает, что автор может скрыть свои истинные цели, высказывая их косвенно, а не прямо. К таким речевым актам может быть применимо понятие «намерение» [Демьянков 1989: 42]. Автор использует различные средства, к примеру: сарказм или иронию, чтобы не дать понять о своих намерениях прямо. По замечанию В.З. Демьянкова, бывают случаи, «когда речевой этикет нарушается демонстративно с целью отвлечь внимание от планируемых поступков «нарушителя» [Демьянков 1989: 43].

В работах Н.И. Формановской также выделяются конвенциональные и ситуативно-контекстуальные косвенные речевые акты. Выявление интенции в косвенных речевых актах второго типа затруднено. Здесь необходимо привлекать широкий контекст. «Само по себе одно высказывание не может выяснить интенцию говорящего» [Формановская 1998: 171].

Основная цель любого автора добиться полного понимания у адресата высказывания.

Серль отмечает необходимость наличия у общающихся общих фоновых знаний, как языковых, так и неязыковых, условия пропозиционального содержания, условия искренности, разумности рассуждения и вообще способность рассуждать, то есть способность воспринимающего текст к выводу умозаключений [Серль: 195].

И.М. Кобозева, на основании теории Дж. Серля, отмечает, что говорящий, прибегая к косвенному выражению своей цели, рассчитывает не только на языковые знания собеседника, но и на его «разнообразные неязыковые знания

принципов общения», на наличие у него «энциклопедических знаний» [Кобозева 1968: 18], что позволяет собеседникам понять друг друга.

Р. Конрад считает, что косвенный речевой акт SA1 имеет место в том случае, если SA1 может быть получен с помощью операций логического вывода из прямого значения предложения S1, реализующего некоторый речевой акт SA1, и из определённых сведений о соответствующей ситуации, непосредственно не связанных с предложением S1 и речевым актом SA1. Таким образом, осмысление предложения в качестве косвенного речевого акта происходит «на другом уровне». Необходимое условие – операция «логического вывода» [Конрад 1985: 356]. Но также Конрад говорит, что однозначная интерпретация речевого акта SA1 «во многих случаях невозможна».

Найти способ интерпретировать речевой акт пыталась исследователь речевых актов и прагматических функций высказываний Анна Вежбицка. Обращаясь к теории Дж. Росса, согласно которой любое повествовательное предложение содержит перформативный глагол, который может появляться или не появляться в поверхностной форме предложения; роль подлежащего при этом глаголе выполняет местоимение я, роль косвенного дополнения – местоимение ты. [Вежбицка 1985: 251-252].

По версии Т.З. Адамьянц, выявление мотивационно-целевой сущности высказывания нужно начинать «с выявления проблемной ситуации, породившей текст, и того социокультурного фона, на котором происходит коммуникативный акт». Автор предлагает попробовать задать вопрос самому себе: Зачем? Почему? Для чего? Что-то главное, что хотел сказать, передать, выразить автор? [Адамьянц 2014: 125].

Авторы монографии «Текст» рекомендуют обратить внимание на особенности ситуации: «Чтобы установить прагматический тип того или иного фрагмента или целого текста, необходимо обратиться к экстралингвистическому анализу ситуации, анализу контекста» [Текст 2011: 24].

Разбирая имплицитное содержание высказывания, исследователь Хоанг Фэ замечает, что в имплицитной форме не всегда выражается только то, что мы не хотим говорить прямо, но и то, что вообще не может быть выражено в эксплицитной форме полно и точно.

Возникает сложность: собеседник должен сам обнаружить имплицитный компонент и понять суть речи говорящего. Это становится возможным при условии учёта эксплицитного содержания, контекста, коммуникативной ситуации [Хоанг Фэ 1985: 399].

Таким образом, материал нашей работы, который включает в себя высказывания с запретительными конструкциями, мы будем рассматривать как косвенные речевые акты.

1.3.3. Прохибитивный речевой акт как один из типов побуждения

Исходя из функционально-семантического подхода, мы можем систематизировать разноуровневые языковые единицы, выражающие семантику побудительности, в виде функционально-семантического поля (ФСП). Внутри общего ФСП побудительности целесообразно выделять два микрополя – микрополе положительной побудительности (или микрополе прескрипций) и микрополе отрицательной побудительности (или микрополе прохибитивов) [Большакова 2005: 11-13].

Разные исследователи определяют отрицательную побудительность по-разному.

Повелительные предложения, содержащие отрицание, называются отрицательными повелительными предложениями (в отличие от положительных повелительных предложений, в которых нет отрицания): «Если в положительных повелительных предложениях каузируется исполнение действия (Рисуй, Читай книгу), то в отрицательных повелительных предложениях – неисполнение действия (Не рисуй, Не читай эту книгу, Не поскользнься)». Специфика смысловой структуры отрицательного повелительного предложения, таким образом, состоит в том,

что в ней есть оператор отрицания, в сферу действия которого входит значение каузируемой пропозиции, но не значение прямой речевой каузации, являющееся вершинным в смысловой структуре любого повелительного предложения» [Бирюлин, Храковский 1992: 34–35].

Прохибитивные формы выражают волеизъявление говорящего относительно невыполнения каузируемого действия. В связи с тем, что волеизъявление отрицаться не может, прохибитивные предложения являются всегда семантически частноотрицательными, и «семантическое своеобразие прохибитива состоит в том, что в сферу действия оператора отрицания входят все элементы плана содержания прохибитивной формы (и конструкции), кроме волеизъявления. Семантическая структура прохибитива, таким образом, имеет вид: волеизъявление + (отрицание+(пропозиция))» [Храковский, Володин 2002: 106–107].

На эту же особенность прохибитивных конструкций указывает и В.Б. Касевич, подчеркивающий, что отрицание в запретительных высказываниях относится не к семантике побуждения, а к пропозиции, управляемой оператором «каузирую»: «...в запретительных высказываниях представлен не отрицательный императив, а императив отрицания» [Касевич 1990: 88]. Данная ситуация ярко отражает асимметричность планов выражения и содержания, т. к. формально показатель отрицания связан с передачей императивности, а содержательно он относится к ситуации, которая называется лексемой [Касевич 1990: 89].

Рассматривая вопрос правильной интерпретации императивных высказываний, Л.А. Бирюлин утверждает, что она определяется комбинаторикой прескриптивных и презумптивных компонентов речевого акта побуждения. Под прескрипцией понимается призыв к определенному действию. Автор различает два типа прескрипции – подтверждающую и запретительную. Различие между ними заключается в том, рекомендует ли данная прескрипция совершать определенное действие или не совершать его. При этом прохибитив определяется Л.А. Бирюлиным как «запрещение

утвердительной презумпции», означающей, что в реальном мире исполнитель совершает какое-то действие, в отличие от «подтверждения отрицательной презумпции» и от «запрещения отрицательной презумпции» [Бирюлин 1990: 168–169].

Л.А. Бирюлин и В.С. Храковский делят отрицательные повелительные предложения на две группы: «Повелительные предложения первой группы, в которых каузируется неисполнение контролируемого действия (типа Не рисуй, Не читай эту книгу), принято называть прохибитивными. Повелительные предложения второй группы, в которых каузируется неисполнение неконтролируемого действия (типа Не поскользнься, Стекло не разбей), называют превентивными. Прохибитивные повелительные предложения имеют значение запрета, превентивные повелительные предложения – значение предостережения» [Бирюлин, Храковский 1992: 35].

В.А. Плунгян считает прохибитив разновидностью императива, выражающей побуждение, направленное не на совершение, а на несовершение действия [Плунгян 2010: 319]. Эта разновидность побуждения называется “отрицательным побуждением”, или “отрицательным императивом” – прохибитивом. Прохибитивные конструкции отличаются определенным разнообразием. Так, например, «...особой семантической разновидностью прохибитива является адмонитив, выражающий предостережение адресату относительно возможных негативных последствий совершения того или иного действия. Семантически адмонитив соотносится с прохибитивом примерно так же, как некатегорический императив (или побуждение-совет) – с нейтральным» [Плунгян 2010: 320].

Обобщая вышеизложенные подходы к определению отрицательной побудительности, мы понимаем под прохибитивом высказывание, выражающее отрицательную каузацию предписательного характера, то есть побуждение прескриптора, направленное на НЕ-совершение адресатом определенного действия.

1.4. Интернет-дискурс

1.4.1. Понятие «дискурс» в современной лингвистике. Типы и разновидности дискурса

В современной лингвистике термин «дискурс» является широкоупотребимым. Возможно, именно поэтому к его определению существует немало подходов, как у российских, так и у зарубежных ученых.

В связи с этим является целесообразным уточнить место дискурса в ряде смежных понятий «язык – речь – текст – дискурс». Обычно дискурс противопоставляется тексту, реже – языку, и еще нередко ученые приравнивают его к речи. Наиболее сложным и обсуждаемым является вопрос о корреляции дискурса и текста. Некоторые языковеды ставят знак равенства между этими двумя категориями. С точки зрения В.П. Конецкой, дискурс – «творимый в речи связанный текст, но рассматриваемый в событийном плане, это текст, в котором актуализируются не только собственно языковые факторы – правила сочетаемости слов и последовательности высказываний, их интонационное оформление, формы переспроса, перебивания партнера, виды реакции на вопрос и т.п., но и неязыковые (экстралингвистические факторы) – познавательные, этнографические, социокультурологические, психологические и др.» [Конецкая 1997: 103]. Другие исследователи, например Т.А. ван Дейк и Е.И. Шейгал, разграничивают упомянутые выше понятия. Так, дискурс в трактовке этих ученых принадлежит к сфере лингвосоциального, текст – только лингвистического. Текст представляет собой языковой конструкт, находящийся в изоляции от контекста, а дискурс – реализацию текста в событийном аспекте. В своем исследовании «Ideology: A Multidisciplinary Approach» Т.А. ван Дейк подчеркивает важность данного различия. Он отмечает, что дискурс – это понятие, которое касается речи и актуального речевого действия, тогда как «текст» – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, «лингвистической компетентности» [ван Дейк 1998: 310].

Т.А. ван Дейк дает определение дискурса в общем смысле как «коммуникативного события, происходящего между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [ван Дейк 1998: 312].

Преимущество данного понимания состоит в том, что дискурс не является ограниченным рамками одного конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или диалога: говорящий и слушающий, их личностные и социальные качества, другие аспекты социальной ситуации, бесспорно, относятся к данному событию.

Следовательно, концепция ван Дейка исключительно важна именно потому, что в ней дается разностороннее и многоплановое определение дискурса как особенного коммуникативного события, как «сложного единства языковой формы, знания и действия» [ван Дейк 1998: 315], как события, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания самого высказывания.

Е.И. Шейгал считает, что дискурс включает в себя как параметры, типичные для речи, так и параметры, типичные для текста. Она пишет о дискурсе, определяя его как «систему коммуникации, имеющую реальное и потенциальное (виртуальное) измерение». «В реальном измерении – это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а так же возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [Шейгал 2009: 11].

Именно эта позиция заложена в дефиниции термина «дискурс», данной Н.Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими

(прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах); речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137].

Таким образом, какими бы разными не были определения дискурса, ученые соглашаются в одном: это речевое общение, которым сопровождается процесс социального взаимодействия людей; оно рассматривается с точки зрения их принадлежности к какой-либо социальной группе или применительно к какой-либо речевой ситуации. Таким образом, дискурс одновременно является и процессом речевой деятельности, и ее результатом. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что на современном этапе развития науки дискурс рассматривается как многоплановое и междисциплинарное коммуникативное явление, включающее в себя не только текст, но и экстралингвистические компоненты (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), которые могут быть необходимы для понимания текста.

Такое понимание дискурса более соответствует задачам нашего исследования, поскольку мы полагаем, что и сама речевая деятельность, и сопровождающие ее социальные условия, пространство и время реализации текста, статус коммуникантов и их ценностные установки обладают равной значимостью.

Однако при изучении такого многогранного понятия неизбежно встает вопрос о необходимости разграничения разновидностей и типов дискурса. В настоящем исследовании мы возьмем за основу противопоставленность персонального и институционального дискурса, предложенную В.И. Карасиком. Он пишет о том, что с позиции социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного

института» [Карасик 2000: 5-6]. Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей различных социальных групп или институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития [Карасик 2004: 185-197].

В нашем случае особенности Интернет-дискурса, о которых мы будем говорить позднее, делают возможным участие в коммуникации не пары, а большего числа участников, каждый из которых попеременно является как адресантом, так и адресатом. Дискурс комментариев допускает бесконечное множество адресатов, соответствующее числу потенциальных читателей комментария, при этом каждый из них может принимать или не принимать участие в общении по своему желанию.

Итак, сопоставив взгляды различных исследователей на проблему дискурса, мы пришли к выводу, что дискурс определяется как комплексное явление, сочетающее в себе как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Мы также установили, что на основании социолингвистических факторов можно выделить две разновидности дискурса, а именно лично-ориентированный и статусно-ориентированный.

1.4.2. Особенности Интернет-дискурса

В конце XX – начале XXI века в жизнь многих людей вошел Интернет, став неотъемлемой частью цивилизованного общества. В Интернете сосредоточена любая информация, там она хранится и распространяется. Следовательно, такой вопрос как взаимоотношения языка и Интернета появился сравнительно недавно. Материал нашего исследования был собран с просторов сети Интернет, поэтому представляется целесообразным изучить этот вопрос подробнее.

Интернет привлек внимание самых разных исследователей прежде всего тем, что он является сосредоточием великого множества областей общения,

которые не связаны между собой и функционируют автономно. Результатом является разнородность языка и, соответственно, разнородность жанров, используемых в различных формах Интернет-общения. Л.Ю. Иванов делит все сетевые жанры на три группы:

- 1) исконно сетевые жанры;
- 2) традиционные, адаптированные в сети и представленные в измененной форме жанры;
- 3) жанры других функциональных разновидностей языка, действующих в сети без видимых изменений [Иванов 2003: 791].

Первая группа жанров формируется под влиянием условий Интернет-общения (чаты, анкеты, опросы, дискуссионные группы и т.д.). Ко второй группе относятся жанры печатных СМИ. К жанрам третьей группы можно отнести научные тексты, произведения художественной литературы и т.д. Их особенность заключается в том, что они загружаются в сеть в своей неизменной форме, в них отсутствуют какие-либо трансформации. Таким образом, Интернет-дискурс «обслуживает целый спектр коммуникативных целей, некоторые из которых могут быть достигнуты только в рамках языка электронных средств коммуникации» [Иванов 2003: 792].

Разговорные сетевые жанры, в которых отображается все разнообразие языка Интернета, вызывают особый интерес у ученых. Не один лингвист (Д.Р. Валиахметова, Л.Р. Дускаева, Л.Ю. Иванов) отмечал, что языковые средства отличаются определенными лексическими и грамматическими характеристиками, пусть не всегда уникальными (есть определенное сходство с некоторыми языковыми характеристиками публицистического стиля), однако достаточно четко дифференцированными и образующими единый прагматический комплекс [Валиахметова 2001: 7-9, Дускаева 2001: 135-137, Иванов 2003: 792].

В языке сети Интернет выделяются следующие характерные черты:

- отсутствие многих невербальных средств общения, привычных при устной речи (интонации, жесты, мимика, тембр и сила голоса);

- компенсация эмоциональной нехватки использованием специальных пиктограмм; прежде всего, к ним относятся смайлики, эмодзи, передающие различные чувства и эмоции говорящего в виде желтых рожиц, а также заглавные буквы или Caps Lock – блокировка верхнего регистра на клавиатуре. Таким образом обычно показывают как бы повышенный голос или просят особенно обратить внимание на информацию, выделенную таким образом;
- тяготение к аграмматизму (отклонению от синтаксических и пунктуационных норм литературного языка);
- избыточная пунктуация (большое количество вопросительных или восклицательных знаков);
- использование нелитературных средств языка, что сближает язык сети с языком публицистики;
- широкое употребление сокращений;
- образование неологизмов по продуктивным словообразовательным моделям (калькирование, аффиксация, универбизация, усечение, прямое заимствование без изменений);
- появление новых слов под влиянием компьютерного жаргона;
- наличие ономастической лексики с повышенной экспрессией;

Интернет, будучи новой особой коммуникативной средой и сферой реализации языка, спровоцировал появление новых способов общения, стереотипов речевого поведения и новых форм существования языка. Таким образом, можно утверждать, что:

- язык Интернета включает в себя языковые средства разных функциональных стилей (публицистического, художественного и разговорного);
- для Интернет-дискурса характерны как нейтральные, так и нормативные языковые единицы;
- язык сети Интернет не представляется возможным вместить в рамки одного из функциональных стилей, так как он является неким гибридным продуктом этих взаимосвязей. Полистилизм – один из его основных признаков;

- Интернет предназначен для массового человеческого общения, так что в сети размещается множество текстов, являющихся живыми, непосредственными откликами на те или иные сообщения, а также являющихся стимулами для последующих сообщений. Это приводит к возникновению непрерывного виртуального диалога.

Таким образом, можно заметить, что воздействие Интернета на язык весьма многопланово. Некоторые современные лингвисты считают, что сейчас благодаря Интернету возникает новая форма языкового взаимодействия – письменная разговорная речь. Е. Буторина в своей публикации, посвященной Интернету как лингвистическому феномену, описывает этот термин как своеобразную смесь письменного литературного и устного разговорного языка [Буторина 1999: 56-58]. Однако, по мнению некоторых ученых, это явление нужно рассматривать в более глобальных рамках – не как смешение, а как «новый функциональный подстиль». Но этот вопрос все еще остается дискуссионным, так как феномен «письменной разговорной речи» складывается у нас на глазах и только начинает становиться предметом изучения со стороны лингвистов. При использовании языка в Интернете можно наблюдать изменения, необходимые для его приспособления к новым условиям существования личности и общества в сети в целях обеспечения их наиболее комфортного вхождения в глобальное виртуальное пространство.

Выводы по Главе 1

1. Гендерная идентичность индивида, обладая осознанным знаковым характером, может претерпевать изменения под влиянием множественности современной коммуникации и разнообразия коммуникативных стратегий.
2. Запрет является деривативной формой побудительности. Деривация осуществляется с помощью оператора отрицания, а именно частицы «не» (*not* в английском языке).
3. В связи с тем, что основной целью собранных нами примеров высказываний, содержащих запретительные конструкции, является воздействие на коммуниканта, мы относим запрет к директивным речевым актам.
4. Высказывания с запретительными конструкциями, являющиеся объектом нашего исследования, мы будем рассматривать как косвенные речевые акты.
5. Прохибитивом в нашей работе мы будем называть высказывание, выражающее отрицательную каузацию предписательного характера, то есть побуждение прескриптора, направленное на НЕ-совершение адресатом определенного действия.
6. Язык сети Интернет, откуда был собран материал для данного исследования, обладает рядом черт, присущих только ему. Среди них есть многие черты, с которыми мы столкнемся при анализе примеров из второй главы: использование нелитературных средств языка, тяготение к аграмматизму, использование нелитературных средств языка, избыточная пунктуация и др.

ГЛАВА 2. Анализ высказываний с запретительными конструкциями, продуцируемых англоязычными Интернет-пользователями

2.1. Отбор материала исследования

Объектом данного исследования являются запретительные конструкции с модальным глаголом *should* и с указанием лица *boy/girl*, а непосредственным предметом исследования являются высказывания, содержащие прохибитивы с модальным глаголом *should*, их использование и функционирование, в том числе и в непрерывном потоке коммуникации. В нашей работе под непрерывной коммуникацией мы понимаем треды комментариев на форумах, где можно отследить реакцию на интересующее нас высказывание. Отбор материала для работы заключался в поиске высказываний с запретительными конструкциями с глаголом *should* и наименованиями лица.

В результате для исследования были отобраны не только высказывания, являющиеся частью межличностного компьютерного общения, но и высказывания, функционирующие самостоятельно (заголовки и подзаголовки статей, названия видео и т.д.). Всего для анализа было собрано 1118 примеров.

Было замечено, что чаще всего употребляются и вызывают самые оживленные дискуссии высказывания, содержащие в себе ту или иную степень гендерной стереотипизации. В связи с этим, в нашей работе мы делаем акцент на исследовании именно таких высказываний.

После сбора и анализа материала было выявлено несколько типов направленности запрета в высказывании с запретительной конструкцией:

1) направленность на субъект (наименование лица). *Boys shouldn't cry*. Запретительная конструкция относится напрямую к мальчикам, которые являются действующими лицами в данном высказывании;

2а) направленность на окружающих, выраженная синтаксически. *Girls shouldn't be hit*. Запрет относится к тем, кто бьет девочек;

2б) направленность на окружающих, выраженная семантически. *Boys shouldn't wear diapers*. Несмотря на то, что высказывание по своей структуре идентично первому типу высказываний, понятно, что здесь запрет относится к родителям, которые надевают памперсы на мальчиков, а не к самим мальчикам.

Кроме того, в процессе исследования были обнаружены маркеры критического отношения к запретительным конструкциям, которые также были подвергнуты анализу и классификации.

В следующих разделах мы рассмотрим все особенности функционирования высказываний с запретительными конструкциями с наименованиями лица подробнее.

2.2. Высказывания с запретом, направленным на субъект (наименование лица)

Во время сбора материала особое внимание мы уделяли примерам использования запретительных конструкций с глаголом *should*, где в основе запрета лежал либо гендерный стереотип, либо попытка разрушения гендерного стереотипа.

Прохибитивные конструкции предполагают наложение запрета на то или иное действие. В высказываниях, которые мы рассмотрим в этом разделе работы, запрет относится непосредственно к субъектам *boy* или *girl*, упоминаемым в высказывании. Среди собранного нами материала в 458 примерах запрет относился непосредственно к наименованию лица.

(1) *Girls shouldn't dress up as police officers or chefs! [sic]*

<https://goo.gl/NEsW9m>

В первом примере мы видим четко выраженное стереотипизированное суждение о том, что девочки не должны надевать костюмы «мужских» профессий. В подсознании у людей проходит четкое разграничение «женского»

и «мужского». Это касается привычек, поведения, одежды, игрушек, цветов и так далее. На противопоставлении того, что якобы принадлежит женщинам и якобы принадлежит мужчинам строится большая часть запретов, направленных на наименование лица. Такие высказывания нацелены на создание или поддержание гендерных стереотипов (271 пример). Высказывания, целью которых является разрушение стереотипов, напротив строятся на равенстве мужского и женского гендера:

(2) *There's no reason boys shouldn't wear skirts or shorts. Likewise it's ridiculous that there are still a number of schools which require girls to wear skirts which is in my opinion more damaging in enforcing divisions and notions of how girls should look. [sic]*

<https://goo.gl/2eCvro>

В Примере 2 представлен гендерный стереотип *Boys shouldn't wear skirts or shorts*, однако перед ним автор указал свое негативное отношение при помощи маркера *There's no reason* (см. подробнее о языковых маркерах критического отношения в разделе 2.4.). Таким образом становится понятно, что основная интенция автора в том, чтобы разрушить стереотип о том, что мальчики не должны носить шорты и юбки.

Важно также отметить, что в английском языке существительные *boy* и *girl* не всегда относятся к детям. Иногда так называют девушек и молодых людей, не достигших преклонного возраста, а иногда это просто собирательные существительные для обозначения группы людей женского или мужского пола независимо от их возраста.

(3) *Attractive Girls Shouldn't Walk Alone [sic]*

<https://goo.gl/tZHLWV>

Так, в третьем высказывании, которое является названием статьи о безопасности, речь идет не о маленьких девочках, а о девушках и женщинах, в одиночку возвращающихся домой в темное время суток. Таким образом, здесь наименование лиц *Girls* указывает не на возрастную категорию, а на

принадлежность к женскому полу. Кроме того, используется атрибут *Attractive*, который уточняет, что данный запрет распространяется именно на привлекательных девушек и женщин.

При сборе материала были найдены примеры высказываний с запретом, направленным на субъект, где была использована конструкция с двумя модальными глаголами, как в Примере 4:

(4) *Girls shouldn't have to cross the border to the boy's section to buy a NASA T-shirt. Boys shouldn't be told that their unicorn sweaters are for girls. [sic]*

<https://goo.gl/KVDDC1>

Здесь мы видим запретительную конструкцию с модальным глаголом *should* и смысловой составляющей этой конструкции *have to cross*. Модальное выражение *have to* используется для выражения необходимости что-то сделать из-за определенных обстоятельств, то есть не из добровольного стремления. Таким образом, в Примере 4 налагается запрет на принудительную необходимость девочкам обязательно перейти в отдел мужской одежды для того, чтобы купить футболку с логотипом NASA. Такая необходимость у девочек возникает из-за того, что в женском отделе такой футболки нет, потому что принято считать, что девочки должны интересоваться единорогами, а не космическими пространствами. Во второй части высказывания мы видим запретительную конструкцию с синтаксически выраженной направленностью запрета на окружающих. Подобные примеры мы рассмотрим подробнее в разделе 2.3.1.

2.3. Высказывания с запретом, направленным на окружающих

2.3.1. Высказывания с синтаксически выраженной направленностью запрета на окружающих

При анализе собранного нами материала стало очевидно, что, несмотря на то, что в предложении с запретительной конструкцией субъектом, главным

членом предложения выступает существительное *boy* или *girl*, фактически запрет направлен не на сам субъект, а на лицо, которое не упоминается в конструкции. Однако в контексте чаще всего становится понятно, кто является адресатом прохибитива.

Синтаксическим показателем того, что запрет направлен не на субъект в предложении становится пассивный залог. Пассивный залог используется в ситуации, когда подлежащее (субъект) в предложении совершает действие не само, а испытывает действие на себе. Использование пассивного залога в английском языке предполагает, что не так важно кто выполняет действие, более важен результат. Для того, чтобы получить форму глагола в пассивном залоге, необходим вспомогательный глагол *to be* в соответствующем времени, лице и числе и причастие прошедшего времени (Participle II) значимого глагола. Среди собранного для анализа материала было найдено 334 примера высказываний с синтаксически выраженной направленностью запрета на окружающих. В нашей работе, где мы рассматриваем запретительные конструкции с модальным глаголом *should*, направленность запрета, выраженная синтаксически, выглядит следующим образом:

(5) *Girls shouldn't be hit, not even with a flower. [sic]*

<https://goo.gl/QVd9cY>

В Примере 5 представлена запретительная конструкция с модальным глаголом в пассивном залоге, построенная при помощи модального глагола *should*, частицы *be* и причастия прошедшего времени (глагола в третьей форме) *hit*. Адресатами в данном случае выступают все кроме девочек. Однако учитывая хранящийся в нашем подсознании стереотип о том, что мальчики – это сильный пол, и они физически превосходят девочек, можно сузить круг реципиентов и предположить, что запрет относится именно к мальчикам. Кроме того, предложение *Girls shouldn't be hit, not even with a flower* выступает в роли названия социального видео, направленного на борьбу с насилием. В этом видео мальчикам от семи до одиннадцати лет предлагают дать пощечину

девочке их возраста. Никто из мальчиков этого не делает, оправдывая свой отказ четко сформированными гендерными стереотипами: «Девочек не бьют», «Я же мужчина, а мужчины не бьют женщин» и так далее.

Среди собранных нами примеров встречались высказывания, где наименования лица использовались с уточняющими атрибутами, касающимися возраста, расы, внешних параметров, приверженности какой-либо религии.

(6) *A 2 year old girl shouldn't be sent to nursery wearing make up.*
Can't be good for their skin surely. kids don't need make up. Toddlers certainly don't. Fine for a bit of dress up play but for school? No way ever.
[sic]

<https://goo.gl/8k8BQR>

Подобное ограничение возрастной категории, на которую, по мнению автора, распространяется запрет, встречается очень часто среди высказываний с синтаксически выраженной направленностью запрета на окружающих. Это можно объяснить тем, что дети дошкольного возраста (70% уточнений приходится на возраст от двух до шести лет) чаще всего не имеют права голоса и мало что могут решать самостоятельно. Таким образом авторы через высказывания с запретительной конструкцией, в которых упоминается ребенок, передают запрет на те или иные действия взрослых, которые ответственны за этого ребенка (например, двухлетнюю девочку, как в Примере 6).

Однако не всегда авторы высказываний, направленных лишь на часть мальчиков или девочек, указывают это при помощи уточняющих прилагательных или иных атрибутов:

(7) *Boys shouldn't be taught that affection is a sign of weakness.*
[sic]

<https://goo.gl/Xiz84j>

Это название социального ролика. В видео речь идет о том, что в обществе сложился стереотип, что мужские объятия – это признак слабости, излишней женственности или гомосексуальности. Из-за этого мальчикам не хватает физической близости с окружающими их людьми. Это ведет к страху, болезням и нервозу. Этот пример интересен тем, что с одной стороны, пассивный залог подразумевает направленность запрета не на мальчиков, а на их окружение, т.е. мальчики не сами с рождения знают, что нельзя обниматься, а это привитый обществом и родителями стереотип о социальных и гендерных нормах. С другой стороны, мальчики с укорененным в подсознании стереотипом учат своих сверстников и знакомых тому, что обниматься – это плохо и немужественно. Таким образом, складывается следующая коммуникативная ситуация: конструкция *Boys shouldn't be taught*, предполагающая в качестве адресата всех, кроме наименования лица **Boys**, частично затрагивает и самих мальчиков. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что генерализированное наименование лица не всегда подразумевает под собой полный охват социальной, возрастной и гендерной группы.

Используя пассивные конструкции, авторы высказываний делают попытку опосредованно через детей наложить запрет на родителей или людей, занимающихся воспитанием. Особенно это заметно в запретительных конструкциях с глаголами *to teach* (см. Пример 3), *to tell*, *to push*, *to raise* и подобными глаголами, в смысловом отношении предполагающими некоторое давление:

(8) *Girls shouldn't be raised aiming to get married, as if being a single woman is an incomplete thing. I want to go to a family gathering and not be asked "Do you have a boyfriend?" and being heard, "Don't worry, you'll find someone." [sic]*

<https://goo.gl/w2TGtn>

(9) *Actually, **boys** shouldn't be pushed into team sports at such a young age. We seem to have a ridiculous obsession with football and so many boys are*

encouraged to play when they are far too young. It also stops them finding other sports they may be good at. [sic]

<https://goo.gl/gaKqVK>

(10) *Boys shouldn't be told it's normal to be crazy, disrespectful, condescending or egotistical because of their gender. [sic]*

<https://goo.gl/uPi8rb>

Как можно заметить, все три примера являются отрицанием имеющихся в современном обществе гендерных стереотипов. Эти стереотипы прививаются взрослыми в процессе воспитания ребенка: девочкам говорят о том, что главное в жизни – это выйти замуж и завести семью; мальчиков с самого детства отдают в спортивные секции, потому что мальчик должен быть сильным и ловким. При этом родители выбирают секцию для мальчика, зачастую даже не интересуясь мнением ребенка. И, наконец, за воспитание мальчиков берутся с девизом “Boys will be boys”, допуская неуважительное, снисходительное и эгоистичное поведение по отношению к окружающим.

Таким образом, становится понятно, что авторы подобных конструкций с синтаксически выраженной направленностью запрета на окружающих делают попытку воздействовать на реальных деятелей, при этом не называя их в своих высказываниях.

2.3.2. Высказывания с семантически выраженной направленностью запрета на окружающих

Анализируя собранные нами высказывания с запретом, направленным на субъект (наименование лица) в предложении, мы обратили внимание на то, что далеко не всегда в случаях использования запретительных конструкций без пассивного залога адресатом запрета остается упомянутое лицо. Зачастую, несмотря на использование активного залога, запрет налагается не на мальчиков или девочек, а на лица с ними связанные (126 примеров):

- (11) *I'd heard that baby boys shouldn't have too much soya as it contains a lot of female hormones - don't know whether there is much research to back this up, but it worried me a bit. [sic]*

<https://goo.gl/smQV9C>

Данный пример показателен по многим причинам. Во-первых, чаще всего (94 примера) в подобных высказываниях затрагивается тема здоровья. Например, здесь автор высказывания выражает свою обеспокоенность тем, что маленьким мальчикам нельзя употреблять в пищу много сои, так как в сое содержится много женских гормонов. Возможно, эта особенность объясняется тем, что в ребенок не может нести ответственность за свое здоровье. Таким образом, запрет переносится с субъекта (мальчиков в этом случае) на людей, занимающихся воспитанием и здоровьем детей, т.е., в большинстве случаев, родителей.

Во-вторых, высказывания с семантически выраженной направленностью запрета на окружающих используются в тех случаях, когда ребенок, о котором идет речь, не в состоянии сам принимать решения по причине слишком юного возраста. Для этого используются разнообразные уточняющие атрибуты (toddler – 45 использований, baby – 27 использований) или же просто указывается возраст ребенка, редко превышающий 7-8 лет (54 примера):

- (12) *I think that 2.5yo girls shouldn't wear school uniform. My friends DD goes to a nursery attached to a Prep School. They are required to wear school uniform from 2.5 when they join the Pre Prep Dept. She looks ridiculous in her uniform as everything is too big. [sic]*

<https://goo.gl/h9qdQL>

Дети дошкольного возраста не могут принимать сколько-нибудь значимые решения касаясь чего-либо. В Примере 12, несмотря на то, что субъект предложения *girls*, сам запрет относится к организации, заставляющей девочек надевать школьную форму.

2.4. Маркеры критического отношения к гендерным стереотипам, выраженным при помощи запретительных конструкций

Авторы высказываний, содержащих в себе запретительные конструкции, зачастую предваряют их словом, словосочетанием или аббревиатурой, семантически выражающими позитивное, негативное или нейтральное отношение к стереотипу. Среди собранного нами 374 высказываний содержали в себе маркеры критического отношения к гендерным стереотипам.

Маркерами позитивного отношения к стереотипам служат такие конструкции как *I believe that; I'd strongly say that* и им подобные.

- (13) *I believe that boys should not cook . I know that most of the boys in our country are cook but not in our homes. So from my opinion ion boys cook are limited than girl because most of the boys are not capable of handling cooking . [sic]*

<https://goo.gl/RozGrH>

В Примере 13 мы видим конструкцию *I believe*, которой в данном примере автор поддерживает гендерный стереотип о том, что мальчики не должны готовить (*boys should not cook*). Также в первом примере содержится аргумент (*boys are not capable of handling cooking*), который по мнению говорящего обосновывает данный стереотип. Но это большая редкость (21 из 191 высказывания с маркерами позитивного отношения к стереотипам). Гораздо чаще высказывания в поддержку стереотипов не несут в себе никакой аргументации, говорящие ограничиваются стереотипизированной запретительной конструкцией и языковым маркером позитивного отношения.

Существует одна особенность маркеров *I believe, I think* и т.д. с местоимением первого лица, которую стоит подчеркнуть. Употребляя подобные маркеры, авторы высказываний как бы признают, что они высказывают свою точку зрения, которая совпадает с тем или иным

стереотипом. И, соответственно, предполагается, что авторы готовы к тому, что с их точкой зрения могут не согласиться. Однако маркерами позитивного отношения они сигнализируют о том, что им симпатично суждение, на котором построен гендерный стереотип. Когда же автор транслирует гендерный стереотип, не используя при этом ни вводных фраз, ни аргументов в поддержку стереотипа, создается впечатление, что автор не понимает и не принимает того факта, что среди читателей могут найти несогласные с озвученным стереотипом.

Несмотря на то, что в собранном нами материале позитивное отношение к стереотипам преобладает, вариативность языковых маркеров, которые используются в поддержку стереотипизированного высказывания крайне мала. Чего нельзя сказать о маркерах негативного отношения:

(14) *Where did you get the idea that boys shouldn't cry?! They do, and it's fine. [sic]*

(15) *There is no such rule that boys shouldn't cry. It is instilled in our mind by our society. Boys fear crying cos they might get stamped as weak and incapable. [sic]*

(14, 15): <https://goo.gl/k5Pp2x>

Для высказывания негативного отношения к стереотипам используются совершенно разные синтаксические средства и лексические конструкции. Например во втором высказывании мы видим вопросительно-восклицательное предложение. Говорящий пытается понять, откуда произошел стереотип, утверждающий, что мальчики не должны плакать (*Where did you get the idea*). При этом, говорящий замечает, что это совершенно нормально и ни к чему плохому это не приводит (*They do, and it's fine*).

В Примере 15 говорящий пытается донести, что нет правила, запрещающего мальчикам плакать (*There is no such rule*), значит это всего

лишь стереотип, навязанный нам обществом (*It is instilled in our mind by our society*). Кроме того, в высказывании акцентируется внимание на том, что данный стереотип привел к тому, что мальчики не могут плакать из-за страха показаться слабыми (*Boys fear crying cos they might get stamped as weak and incapable*).

Некоторые из маркеров негативного отношения к стереотипам содержат в себе большую долю сарказма:

(16) *Boys shouldn't cry, o rly? First we tell boys not to cry, then wonder about male suicide. [sic]*

<https://goo.gl/eUWY7H>

В Примере 16 содержится очень категоричное заявление. Маркерами негативного отношения здесь выступают риторический вопрос и конструкция *o rly* (Oh, really). Кроме того, автор высказывания в ответ на гендерный стереотип о том, что мальчикам нельзя плакать представляет нам сокращенный вариант цепочки, построенной на причинно-следственной связи: раз мальчикам нельзя плакать, то мальчики не имеют возможности выразить свои эмоции. Соответственно, мальчики замыкаются в себе, что приводит к проблемам с психикой. А это, свою очередь, при худшем раскладе, ведет к суициду. Таким образом, автор пытается показать насколько пагубно данный стереотип может отразиться на жизни мужчины.

Используя маркеры негативного отношения в высказываниях, содержащих гендерные стереотипы, говорящие стараются разрушить стереотипы, приводя в качестве аргументов в поддержку своей точки зрения разнообразные научно доказанные факты или рассказывая о последствиях, к которым может привести тот или иной стереотип.

Маркеры нейтрального отношения к гендерным стереотипам тоже весьма разнообразны. Зачастую нейтральное отношение может быть выражено при помощи вопроса, как в Примере 17:

(17) *Why girls shouldn't play team games with boys? In most cultures girls can't do anything they want to do but boys can do everything they want to do, it really upset my (or shall I say US) as a girl. [sic]*

<https://goo.gl/anu8yB>

Здесь автор задает вопрос, поскольку действительно не понимает, по какой причине девочкам запрещается играть в командные игры вместе с мальчиками. Автор расстроена (*it really upset my (or shall I say US) as a girl*) подобным отношением и хочет узнать причину, по которой она не должна играть вместе с мальчиками (*Why girls shouldn't play team games with boys?*).

Интересной особенностью нейтральных маркеров критического к гендерным стереотипам является использование аббревиатуры AIBU. Эта аббревиатура встречается на публичных форумах разнообразных веб-сайтов и расшифровывается как Am I Being Unreasonable. В основном на форумах существуют целые разделы под названием AIBU, сообщения в которых начинаются со слов *to think*, как бы предполагая перед собой уже озвученную фразу *Am I Being Unreasonable*:

(18) *To Think Boys Should NOT Have Highlights? My next door neighbours little girl mentioned to me a couple of weeks ago that her friend was getting his hair highlighted at a salon. My DH can't see any problem with it, but it makes me really uncomfortable, although I can't put my finger on why. So, AIBU? [sic]*

<https://goo.gl/NTpcnS>

В Примере 18 у автора возникла проблема. В ее подсознании существует стереотип о том, что мальчики не должны красить волосы, о существовании которого она даже не подозревает (*it makes me really uncomfortable, although I can't put my finger on why*). Любопытно отметить, что у ее мужа такой стереотип отсутствует (*My DH can't see any problem with it... DH – Dear Husband*).

Проведя количественный анализ материала можно утверждать, что, несмотря на то, что современное общество стремится избавиться от гендерных стереотипов, модель мышления, использующая четкое гендерное разграничение все еще преобладает:

- 52% высказываний были использованы с маркерами позитивного отношения (191 пример);

- 28% высказываний были использованы с маркерами негативного отношения (102 примера);

- 22% высказываний были использованы с маркерами нейтрального отношения (81 пример).

Исходя из произведенных подсчетов, нам кажется важным подчеркнуть, что небольшой на первый взгляд перевес в четыре процента, которым обладают высказывания с маркерами позитивного отношения, представляется весьма значимым, учитывая тот факт, что в современном мире усиленно пропагандируется равенство полов и все шире распространяется тенденция к ослаблению гендерных стереотипов.

2.5. Реакция на запретительные конструкции, содержащие стереотипы, в непрерывном потоке Интернет-коммуникации

Несмотря на то, что в последние годы общество старается избавиться от стереотипизированных паттернов мышления, и в большей части стран мира женщины и мужчины равны в своих правах, все равно стереотипы достаточно прочно сидят в умах людей, заставляя их мыслить шаблонами, попытка отойти от которых моментально вызывает всплеск активности в обсуждении.

В качестве примера рассмотрим обсуждение на сайте <https://www.mumsnet.com>, тред которого составляет 126 комментариев (<https://goo.gl/Qn8jLX>). Это обсуждение находится в секции AIBU (подробнее

см. раздел 2.4.). Пользователи веб-сайта пишут в эту секцию в случаях, когда не уверены в собственных действиях или суждениях. Эта тема одна из самых популярных на сайте: в рамках AIBU существует около 310 тыс. тредов, в каждом из которых обсуждается отдельный вопрос, задаваемый самими пользователями.

Обсуждение, которое мы рассмотрим в нашей работе, начинается с сообщения пользователя **plastique**:

plastique Tue 13-Sep-16 20:58:29

*[AIBU] to think that **girls shouldn't join boys school football team**?? So son has come home from school, disappointed not to get in the yr 8 school football team. Ok fair enough, there must be better players than him.... Well that's life move on etc!!! Oh no that's not the case. Two girls are in the boys football team.. Fair enough too if boys are allowed in girls football team... But oh no girls only... Trying to teach equality etc but this goes against everything!! Thoughts please....[sic]*

Исходя из этого сообщения, можно прийти к выводу, что пользователь **plastique** хоть номинально и задает вопрос, интересуясь мнением возможных читателей (*Thoughts please....*), для себя уже пришла к определенным выводам (*this goes against everything*). Если бы подобное сообщение было единичным случаем, мы бы не уделяли этому примеру столь пристальное внимание в нашей работе. Парадокс заключается в том, что из пятнадцати проанализированных тредов, темы обсуждения в которых так или иначе затрагивают гендерный аспект, тринадцать пользователей, инициировавших обсуждение, уже заранее склонялись к той или иной точке зрения. Таким образом, можно сделать вывод, что стереотипы в подсознании находятся чрезвычайно глубоко, и зафиксированы достаточно прочно. Задавая вопрос, пользователь **plastique** не ждала ответа на него – она ждала поддержки. Однако, реакция читателей была не столь однозначна, как этого бы хотелось пользователю **plastique**:

Mummyme1987 Tue 13-Sep-16 21:00:23

Surely it should just be a football team and whoever the best footballers are should fill the team. [sic]

Mummyme1987 Tue 13-Sep-16 21:01:13

Regardless of if they are boys or girls[sic]

Первый же комментарий пользователя **Mummyme1987**, оставленный под публикацией сообщения, начавшего беседу, ставит стереотип о том, что девочкам не место в одной футбольной команде с мальчиками, под сомнение. **Mummyme1987** выражает свою точку зрения, которая заключается в том, что в футбольной команде главное не пол игрока, а их умения. Однако через минуту появляется весьма категоричный комментарий пользователя **katienana** в поддержку высказанного гендерного стереотипа:

katienana Tue 13-Sep-16 21:02:23

Girls shouldn't be competing against boys at that age. [sic]

В своем комментарии **katienana** тоже использует запретительную конструкцию с наименованием лица почти дословно повторяя изначальный комментарий пользователя **plastique**. Реакция читателей не заставляет себя ждать:

Waffles80 Tue 13-Sep-16 21:02:54

Why the fuck not katie? [sic]

После комментария **Waffles80** становится очевидно, что не все готовы безоговорочно поддерживать гендерный стереотип, высказанный в первом сообщении, позднее продублированный пользователем **katienana**. Более того, есть читатели, готовые в достаточно грубой и жесткой манере разрушать представленный стереотип. Из этого и подобных ему комментариев можно

сделать вывод, что дискуссии, затрагивающие гендерные стереотипы отличаются высокой степенью эмоциональности и экспрессивности, а также некоторым количеством комментариев, содержащих ненормативную лексику (*fuck*). Любопытен тот факт, что вопрос **Waffles80** задает не тому, кто изначально высказал стереотип изначально, а тому, кто его продублировал. Возможно, это связано с тем, что комментарий **katiemana** – одиночное стереотипизированное категоричное высказывание, тогда как **plastique** рассказала историю, автоматически расположив к себе читателей, заставив их полностью проникнуться ситуацией, спровоцировавшей подобное стереотипизированное высказывание.

Комментарии, которые далее оставляют пользователи, можно по содержанию разделить на несколько групп:

- 1) примеры из собственного опыта пользователей, которые так или иначе связаны с обсуждаемой темой:

PotteringAlong Tue 13-Sep-16 21:08:51

I was thinking of rugby where it's 12 when mixed teams are not allowed from[sic]

- 2) комментарии в поддержку истории и гендерного стереотипа, высказанного пользователем **plastique**:

neonrainbow Tue 13-Sep-16 21:06:29

Yeah you're right. Girls shouldn't be in a boys team. There would be a big outcry if boys were allowed on a girls team[sic]

- 3) комментарии, направленные на разрешение сложившейся проблемы, например предложения создать смешанную команду из мальчиков и девочек, плюсы и минусы предложенного выхода из ситуации:

AuntieStella Tue 13-Sep-16 21:12:17

You can have mixed teams at that age. It's just that most schools and clubs don't. So they are very unlikely to have much in the way of fixtures.

They will be barred from playing both all-boys and all-girls teams.

So unless there's a local plethora of mixed teams, it essentially means a cop out from the competitive game. [sic]

Поворотным является комментарий пользователя **Holymolymay**:

Holymolymay Tue 13-Sep-16 21:14:12

That's not equality. TBH I find it often works one way.

And honestly I have never felt being female to be a disadvantage like many around here. [sic]

Своим сообщением **Holymolymay** начинает новый виток обсуждения, создавая дискуссию в дискуссии, поскольку остальные пользователи моментально реагируют на ее заявление:

LaurieFairyCake Tue 13-Sep-16 21:17:59

never felt being female to be a disadvantage

Seriously? Feel totally safe wandering about in that bikini? Or hijab? Or being fat or thin? Or going for a run?

No one hassle you ever just for having the audacity to be female and moving about in the world ? hmm

Happy with that equal pay you won't get til 2065? [sic]

Waffles80 Tue 13-Sep-16 21:18:04

So your pay is equal to that of men in equivalent roles? You won't lose out on your pension because of maternity leave? You won't face the increased risk of being a victim of crime? You won't be overlooked professionally in favour of a man? Or any of the other millions of reasons women simply aren't equal still. In 20[1]6.

Must be lovely round your way holymary [sic]

Мы видим, что тема женской дискриминации в современном обществе вызвала большой интерес у читателей. На протяжении всего последующего обсуждения пользователи ведут параллельно две дискуссии: одни продолжают обсуждать спортивные команды, а другие развивают тему притеснения женщин во всех сферах жизни. Нам представляется очень интересным, что здесь произошел переход не от общего (женщины и мужчины остаются не равны в своих правах) к частному (девочкам не дают играть в одной команде с мальчиками), а от частного к общему.

Подобное развитие дискуссии нетипично для обсуждений на интернет-форумах. Обычно либо частное вытекает из общего, либо участники обсуждения «перескакивают» общее, переходя сразу же к другой теме, также вытекающей из общего.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие дискуссии в дискуссии, протекающей параллельно с основным обсуждением – это распространенное явление. Темы нескольких параллельных дискуссий связаны, однако не всегда тесно. Пользователи, принимающие активное участие в одной из дискуссий, не всегда способны поддерживать такую же активность параллельных обсуждениях.

После проведенного анализа тредов можно выделить следующие тенденции:

- в качестве поддержки изначально выдвинутого на обсуждение стереотипа часто используется перефразирование (56 примеров);

- для того, чтобы показать полную солидарность с высказыванием с запретительной конструкцией, пользователи в своем комментарии воспроизводят идентичную конструкцию с глаголом *should* (35 примеров), в некоторых случаях сопровождая свое высказывание маркером позитивного отношения к гендерному стереотипу;

- пользователи, инициировавшие начало дискуссии, явно или скрыто высказавшись против или в поддержку того или иного стереотипа, не меняют свое мнение на протяжении обсуждения (во всяком случае, нами подобные случаи не были зафиксированы);

- вовлеченность читателей форума в обсуждение зависит от того, насколько категорично было первое сообщение. Если первое сообщение носит характер стереотипа и выражено запретительной конструкцией, у большего количества пользователей возникает желание либо поддержать подобное заявление, либо опровергнуть его.

Выводы по Главе 2

После анализа отобранного нами материала мы пришли к следующим выводам:

1. Запрет в высказываниях может быть направлен на субъект или на окружающих.
2. Показатель того, что запрет направлен на окружающих, может быть как синтаксическим, так и семантическим.
3. Основная часть запретов, направленных на субъект, строится на противопоставлении того, что якобы принадлежит женщинам и якобы принадлежит мужчинам строится Такие высказывания нацелены на создание или поддержание гендерных стереотипов.
4. В английском языке существительные *boy* и *girl* не всегда относятся к детям. Иногда так называют девушек и молодых людей, не достигших преклонного возраста, а иногда это просто собирательные существительные для обозначения группы людей женского или мужского пола независимо от их возраста.
5. Запреты, накладываемые на субъект во множественном числе (*boys, girls*), не всегда распространяется на всю группу. Иногда запрет охватывает часть группы. В высказывании это либо отражено атрибутом, либо очевидно из контекста.
6. Синтаксическим показателем того, что запрет направлен не на субъект в предложении становится пассивный залог.
7. Используя пассивные конструкции, авторы высказываний делают попытку опосредованно через детей наложить запрет на родителей или людей, занимающихся воспитанием.
8. Высказывания с семантически выраженной направленностью запрета на окружающих используются в тех случаях, когда ребенок, о котором идет речь, не в состоянии сам принимать решения по причине слишком юного возраста.

9. Большинство примеров в поддержку стереотипов не несут в себе никакой аргументации, говорящие ограничиваются стереотипизированной запретительной конструкцией и языковым маркером позитивного отношения.
10. Используя маркеры негативного отношения в высказываниях, содержащих гендерные стереотипы, говорящие стараются разрушить стереотипы, приводя в качестве аргументов в поддержку своей точки зрения разнообразные научно доказанные факты или рассказывая о последствиях, к которым может привести тот или иной стереотип.
11. Задавая вопрос, базируемый на стереотипе, Интернет-пользователи ждут не ответа на него, а поддержки.
12. Дискуссии, затрагивающие гендерные стереотипы отличаются высокой степенью эмоциональности и экспрессивности, а также некоторым количеством комментариев, содержащих ненормативную лексику.
13. Темы нескольких параллельных дискуссий связаны, однако не всегда тесно. Пользователи, принимающие активное участие в одной из дискуссий, не всегда способны поддерживать такую же активность параллельных обсуждениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что высказывания с запретительными конструкциями, основанные на существующих в обществе гендерных стереотипах, - явление сложное и многоплановое, требующее комплексный подход к изучению.

В настоящей работе была предпринята попытка исследовать данное явление с нескольких сторон. С этой целью мы, в первую очередь, рассмотрели понятия «гендер» и «гендерный стереотип» в контексте современной науки, в том числе современной лингвистики, а также исследовали способы формирования и структуру идентичности индивида. Мы приходим к выводу, что в связи со всеобщей тенденцией к антропоцентризму, в последние десятилетия понятие гендера и всего, что с ним связано, подверглось пристальному изучению. Гендер, будучи продуктом культуры, отражает представления народа о женственности и мужественности, является институционализированным и ритуализованным социокультурным конструктом - одним из параметров социальной идентичности индивида. Под гендерными стереотипами в нашей работе понимались упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола.

Также, рассмотрев разные теории о формировании идентичности, мы пришли к выводу о том, что в каждом из рассмотренных подходов акцентируются различные аспекты ее формирования: биологический пол, социальные ожидания общества, общее интеллектуальное развитие индивида, идентификацию с родителем и механизм подкрепления и научения. Мы предполагаем, что изученные психологические механизмы не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга.

Далее мы исследовали явление побудительности в языке, т.к. прохибитивные высказывания являются одним из видов повелительных (побудительных) предложений.

Объектом нашего исследования являются косвенные речевые акты. Рассмотрев прохибитив, как один из представителей речевых актов, мы отнесли запрет к директивным РА. Основанием для этой точки зрения служит то, что основной целью собранных нами примеров высказываний, содержащих запретительные конструкции, является воздействие на коммуниканта.

И, наконец, исследуя понятие Интернет-дискурса и язык сети, откуда был собран материал для данного исследования, мы выяснили, этот дискурс обладает рядом черт, присущих только ему. Среди них есть многие черты, с которыми мы столкнулись при анализе примеров из второй главы: использование нелитературных средств языка, тяготение к аграмматизму, использование нелитературных средств языка, избыточная пунктуация и др.

В практической части работы мы, проанализировав примеры комментариев, пришли к выводу, что направленность запрета может быть разной: на субъект или на окружающих. Направленность запрета на окружающих может выражена также по-разному: семантически и синтаксически (при помощи пассивного залога). Налагая запрет на лица, не упоминаемые в высказывании, авторы делают попытку опосредованно через детей наложить запрет на родителей или на людей, занимающихся воспитанием.

Кроме того, после количественного анализа собранного материала, становится понятно, что основная часть запретов, строится на противопоставлении того, что якобы принадлежит женщинам и якобы принадлежит мужчинам. Такие высказывания нацелены на создание или поддержание гендерных стереотипов. И, несмотря на тот факт, что в современном обществе усиленно пропагандируется равенство полов и все шире распространяется тенденция к ослаблению гендерных стереотипов, основная часть Интернет-пользователей в своих рассуждениях все равно опирается на существующие стереотипы, иногда этого даже не осознавая.

Исследуя языковые маркеры критического отношения к стереотипам, мы заметили, что большинство примеров в поддержку стереотипов не несут в себе никакой аргументации, говорящие ограничиваются стереотипизированной запретительной конструкцией и языковым маркером позитивного отношения. Используя маркеры негативного отношения, пользователи, наоборот, стараются разрушить стереотипы, приводя в качестве аргументов в поддержку своей точки зрения разнообразные научно доказанные факты или рассказывая о последствиях, к которым может привести тот или иной стереотип.

После изучения тредов сообщений с комментариями англоязычных Интернет-пользователей, посвященных обсуждению того и иного гендерного стереотипа, мы заметили ряд интересных особенностей: треды, инициированные сообщением с категоричным гендерно-стереотипизированным высказыванием, вызывают бурный интерес со стороны Интернет-сообщества. В подобных дискуссиях можно наблюдать большую вариативность методов поддержки и солидаризации, а также явление развития дискуссии в дискуссии.

Процесс сбора материала для исследования показал, что материал нашей работы незаслуженно редко становится объектом изучения ученых-лингвистов, а это предполагает широкие перспективы для его дальнейшего анализа. Мы же в своей работе мы попытались как можно более полно рассмотреть стереотипизированные высказывания с запретительными конструкциями с модальным глаголом *should* и наименованием лиц *boy* или *girl*, продуцируемых англоязычными Интернет-пользователями, описать некоторые их особенности функционирования в непрерывном потоке коммуникации.

Список используемой литературы

1. Абельс Х. Б. Интеракция, идентичность, презентация/ХБ Абельс //СПб.: Алтейя. – 2000. – С. 20.
2. Адамьянц Т. З. Концепции понимания в коммуникации: в поисках платформы для взаимопонимания //Общественные науки и современность. – 2014. – №. 4. – С. 121-131.
3. Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке //Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М. – 1988. – С. 57-78.
4. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136-137.
5. Астапенко Е. В. Высказывания о ситуациях запрета:(как феномен английского языка и как феномен американской культуры) : дис. – Тверь: [Твер. гос. ун-т], 2004. – С. 19.
6. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание //Роль языка в средствах массовой коммуникации. – 1986. – С. 100-143.
7. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык //Воронеж: изд-во ВГУ. – 1992. – Т. 168. – С. 2.
8. Бирюлин Л. А. Презумпции побуждения и прагматика императива //Типология и грамматика.–М.: Наука. – 1990. – С. 162-173.
9. Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории //Типология императивных конструкций. – 1992. – С. 5-50.
10. Большакова Т. М. Состав и функционирование прескрипций и прохибитивов в директивных текстах немецких школ //Иностранные языки: Герценовские чтения. – 2003. – С. 11-13.
11. Буторина Е. П. А поговорить?: интернет как лингвистический феномен //Мир медиа XXI. – 1999. – №. 1. – С. 56-58.

12. Валиахметова Д. Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса //Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф.(Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы. – 2001. – №. 2. – С. 7-9.
13. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: «Прогресс», – 1985. – С.251- 275.
- 14.Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. Исследования по русской грамматике. – Наука, 1975. – С. 52.
- 15.Виноградов С. И. и др. Культура русской речи: Учебник для вузов/Под ред. проф. ЛК Граудиной и проф. ЕН Ширяева //М.: НОРМА-ИНФРА. – 2001. – С. 152.
16. Гонгало Е. Ф. Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля //Материалы V Международной научной конференции «Культура, наука, образование в современном мире. – 2011. – С. 48.
- 17.Гулыга Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – Провещение, 1969. – С. 107.
- 18.Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ //Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Учебное пособие/Отв. ред. МН Володина. - М.: Изд-во Московского государственного университета им. МВ Ломоносова, 2003. – С. 42-116.
19. Дускаева Л. Р. Дифференциация информационных жанров газетной публицистики //Изменяющийся языковой мир: Материалы междунар. науч. конф.–Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 2001. – С. 135-137.
- 20.Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – 1973. – С. 142.
- 21.Иванов Л. Ю. Коммуникативный успех//Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник //М.: Флинта, Наука. – 2003. – С. 792.

22. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. Учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов (на английском языке). – 1971. – С. 190.
23. Иссерс О. С. Коммуникативный менеджмент: типы речевых стратегий // Культура народов Причерноморья. – 2006. – С. 183.
24. Казарцева О. М. Культура речевого общения. Теория и практика обучения. – 2001. – С. 26.
25. Каменская Е. Н. Гендерный подход в педагогике // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2007. – №. 1. – С. 13.
26. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. – 2000. – Т. 2000. – С. 5-6.
27. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – 2004. – С. 447.
28. Касевич В. Б. Императивность, каузативность, перформативность // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – 1990. – С. 85-90.
29. Кильмухаметова Е. Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – №. 4. – С. 77-82.
30. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – 1999. – С. 90-95.
31. Кириллова И. А. Формирование гендерной идентичности старшеклассников (на материале филологических дисциплин общеобразовательной школы) : дис. – Волгоград : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. пед. наук: спец. 13.00. 01/ИА Кириллова, 2005. – С. 31
32. Клещина И. С. Психология гендерных отношений : дис. – СПб. : [Рос. гос. пед. ун-т им. АИ Герцена], 2004. – С. 39.
33. Клещина И. С. Гендерная социализация. – 1998. – С. 92.
34. Клюев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) // М.: ПРИОР. – 1999. – С. 70-75.

35. Кобозева И. М. Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности //Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Т. 17. – С. 7-21.
36. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты //Логический анализ языка. Язык речевых действий. М. – 1994. – С. 63-71.
37. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования //Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1988. – Т. 47. – №. 5. – С. 462-471.
38. Козырев В. И. МОДАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ В ИМПЕРАТИВЕ //Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2015. – №. 3 (17). – С. 25-29.
39. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире II Гендерный калейдоскоп: курс лекций. М., 2001. – С. 188-208.
40. Конецкая В. П. Социология коммуникации. – 1997. – С. 103.
41. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты //Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Т. 24. – С. 356.
42. Ломакина Н. А. Репрезентация концепта «запрет» в рамках диалогического дискурса //Филология и культура: материалы III междунар. науч. конф., Тамбов, 16-18 мая. – 2001. – С. 85.
43. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. – 1988. – С. 303.
44. Макаров М. Л. МАКАРОВ МЛ Основы теории дискурса. – 2003. – С. 168.
45. Максимов В. и др. (ред.). Русский язык и культура речи. – Litres, 2017. – С. 413.
46. Матюшкова С. Д. Гендерные основы образования. – 2007. – С. 143.
47. Микешина Л. А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М : Прогресс-Традиция, 2005. – С. 112.

48. Мицкевич Э. В. Аспекты изучения побудительных высказываний // Вопросы романо-германского и славянского языкознания. – Минск: Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – 1974. – С. 271-283.
49. Нерознак В. П. Языковая личность в гендерном измерении // Гендер: язык, культура, коммуникация: тез. I Междунар. конф. М. – 1999. – С. 70-71.
50. Обухов К. Н. Коммуникативные основания сетевых структур социального // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2009. – №. 1. – С. 148.
51. Обухов К. Н. Практики использования сети Интернет студентами Удмуртского государственного университета (по данным ежегодного мониторинга среди студентов УдГУ за 2007/08 год) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2009. – №. 1. – С. 75.
52. Рогов Е. И. Общая психология: курс лекций для первой ступени пед. Образования // М.: ВЛАДОС. – 1995. – С. 448.
53. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – 2010. – С. 319.
54. Рябов О. В. Национальная идентичность: гендерный аспект: (на материале русской историософии): дис.... д-ра филос. наук // Дис.... д-ра филос. наук. Иваново. – 2000. - С. 3.
55. Сергиевская Л. А. Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке // Дис... д-ра филол. наук. М. – 1995. – С. 48.
56. Сёрль Д. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. Москва. – 1986. – С.195-222.
57. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика // Винница: Нова Книга. – 2009. – Т. 3. – С. 272.
58. Рогова К. А. и др. Текст: теоретические основания и принципы анализа. – 2011. – С. 464.

59. Тернер Дж. Структура современной социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 472.
60. Толстых М. А. Становление гендерной идентичности студентов младших курсов вузов. – ПринТерра, 2007. – С. 256.
61. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ // Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр. – 2004. – С. 49.
62. Флотская Н. Ю. Онтогенез половой идентичности: моногр. Архангельск, 2004. – С. 49.
63. Флотская Н. Ю. Особенности половой идентичности подростков, воспитывающихся в городском и сельском социуме II Вестн. Помор, ун-та. Сер. «Гуманит. и соц. науки». 2008. № 2. – С. 117-124.
64. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – 1998. – С. 294.
65. Халеева И. И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. М. – 2000. – С. 8-13.
66. Хоанг Ф. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике // Вып. – 1981. – Т. 16. – С. 399-405.
67. Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. —Л., 1990. — С. 210-238.
68. Шатуновский И. Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки этики. – 2000. – С. 319-325.
69. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – 2009. – С. 11.
70. Шмелева Е. А. Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – 1990. – Т. 2. – С. 66 -71.
71. Adler M. K. Naming and addressing: A sociolinguistic study. – John Benjamins Publishing Company, 1978. P. 66.
72. Hall S., Du Gay P. (ed.). Questions of Cultural Identity: SAGE Publications. – Sage, 1996. P. 197.

73. Hamilton D. L. (ed.). Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior. – Psychology Press, 2015. P. 380.
74. Labov W. Variation in Language // Carol E. Reed (Ed.). The Learning of Language. National Council of Teachers of English. N. Y., 1971. P. 187–221.
75. Reber A. S. The Penguin dictionary of psychology. – Penguin Press, 1995. P. 595
76. Smith S. Epistemology, postmodernism and international relations theory: a reply to Østerud // Journal of Peace Research. – 1997. – T. 34. – №. 3. – P. 330-336.
77. Van Dijk T. A. Ideology: A multidisciplinary approach. – Sage, 1998. P. 365.